

Дети Луны

Автор:

Борис Акунин

Дети Луны

Борис Акунин

Смерть на брудершафт #4

«Смерть на брудершафт» – название цикла из 10 повестей в экспериментальном жанре «роман-кино», призванном совместить литературный текст с визуальностью кинематографа. Русский контрразведчик должен раскрыть агентурную сеть. Сможет ли он ради этого стать своим в богемном клубе-кабаре «Дети Луны»? Ведь там собирается особенная публика – декаденты...

Дети Луны

Фильма четвертая

Петроградский август

Белые бессолнечные дни. Черные безлунные ночи. Серые мокрые сумерки, как зыбкая граница между явью и сном. Но нет ни полного забытья, ни настоящего пробуждения. Столица больна. Столица наполовину пуста. По прямым каменным улицам бродят растерянные женщины. Мужчин гораздо меньше, зато они деловиты, они спешат. Большинство одеты в военное, но в самом городе ничего воинственного нет. Фронт очень далеко. Только на большом отдалении от выстрелов так густо гнездятся генералы и популяция храбрых полковников так решительно превышает количество зеленых прапорщиков.

Один из представителей этого во всех смыслах незначительного меньшинства, о котором еще говорят «курица не птица, прапорщик не офицер» (вполне, впрочем, молодцеватый юноша в превосходно сидящем кителе), соскочил с извозчика у здания Отдельного жандармского корпуса на Фурштатской, поправил портупею, снял и снова надел фуражку, взбежал по ступенькам.

Пока дежурный искал в журнале имя («прп. А. Романов к его првсх. ком-ру ОЖК»), молодой офицер привычным жестом потрогал, словно бы вдавливая в грудь, солдатский георгиевский крест.

Ишь, важничает, подумал дежурный, выписывая пропуск на этаж, где помещалось высшее начальство.

Но Романов не важничал. Он теребил орден всякий раз, когда начинал зудеть рубец от пули. Не будешь же на людях чесаться по-обезьяньи, а на обратной стороне оранжево-черной колодки булавка. Потрешь ею, и легче.

Синьор Сольдо, хирург Луганского госпиталя, говорил: «Мальчик, у тебя кошачья везучесть и собачья живучесть. Нужно очень постараться, чтобы пустить в себя пулю так виртуозно: в сантиметре от сердца, не задев ни одной крупной артерии!» Доктор был человек опытный, умный и верящий в приметы. По его предсказанию, Романову на своем веку предстояло быть множество раз раненным, но не смертельно и даже без тяжелых последствий.

Действительно, от пули, которая насквозь прошла несостоявшегося самоубийцу, только и осталось, что легкий зуд правее соска. Раздробленная на фронте рука, которой врачи сулили постепенное иссыхание, тоже зажила, как-то сама собой. Благодаря усердным упражнениям, которыми ее мучил Алексей, она, пожалуй, стала еще сильнее, чем до ранения.

В начале весны прапорщик истребовал медицинского переосвидетельствования, которое прошел безо всяких трудностей, и был переаттестован в разряд полной строевой годности, чего с комиссованными вчистую почти никогда не бывает.

Несмотря на весну и отменно восстановившееся здоровье, жизнь Романову была не мила, опять же отечество пребывало в опасности. И личные, и общественные резоны звали вернуться на фронт, где – об этом писали все газеты – катастрофически не хватало именно младших офицеров, но князь Козловский провел со своим молодым товарищем долгую, обстоятельную беседу и переубедил, переспорил, перекричал. Перекричать Алешу было нетрудно, после трагических событий минувшей зимы он утратил прежнюю пылкость. Да и аргументы князя, что ни говори, звучали логично, а логике бывший студент-математик привык доверять. Собственно, логика – единственное, чему на свете вообще можно верить. В этом он убедился на собственной шкуре, дорогой ценой.

Ротмистр втолковывал молодому человеку:

– Пойми, упрямая башка! Не о своих сантиментах ты должен думать. Думать нужно, где ты причинишь больше вреда врагу и соответственно принесешь больше пользы отчизне. Взводом на фронте могут командовать многие, и получше тебя. А вот толково служить в контрразведке способны единицы. Опасностей у нас не меньше, чем на фронте, это ты сам знаешь. Награды, правда, выдают скупее, чем в окопах. Но это для тебя тоже не новость...

С наградой за успешную швейцарскую операцию вышло одно расстройство. Генерал Жуковский вернувшихся героев расцеловал и представил к ордену святого Георгия 4-й степени, согласно 71-й статье Статута, которая предусматривает это высокое отличие для тех, «кто, подвергая свою жизнь явной опасности, неустанными наблюдениями в бою соберет такие важные сведения о противнике, коими будут выяснены планы и намерения последнего, что даст возможность высшему начальнику одержать решительную победу». Однако Георгиевская кавалерская дума представление с возмущением отвергла, отказавшись приравнять «альпийский вояж» к боевым действиям. Возможно, вердикт вышел бы иным, имей контрразведка возможность изложить дело во всех подробностях, но, учитывая деликатность «вояжа» и его несоответствие установлениям международного права, это было совершенно немыслимо.

Тогда начальник подал другую реляцию, испрашивая для своих эмиссаров хотя бы «владимира» с мечами и бантом, но и тут получил отказ, даром что командир жандармского корпуса и генерал свиты его величества. То есть дать-то ордена дали, но без мечей, с одними лишь бантами, словно не за военный подвиг, а за мелкую служебную заслугу в глубоком тылу. К этому сомнительному отличию

Жуковский прибавил от себя наградные, и на том чествование триумфаторов закончилось.

Полученные деньги, пятьсот рублей, Алексей потратил на офицерское обмундирование – заказал полный комплект у самого Норденштрема, на Невском.

Первый раз надел всю амуницию, встал перед зеркалом – сам на себя засмотрелся, до того был хорош.

Плечист, высок, подтянут. Рука, хоть и абсолютно исцеленная, для эффектности в черной перчатке, висит на перевязи. На груди блестит одинокий, скромный солдатский «георгий» (мирный «владимир» с бантиком Романов, вопреки уставу, решил не носить).

С одного взгляда читается вся жизнь: молодой герой из добровольцев, офицерское звание выслужил храбростью, а что не на фронте – так это из-за ранения.

Но любовался отражением Алексей недолго. Вдруг вспомнил Грушницкого из «Героя нашего времени». Тот тоже красовался солдатским крестом и сшил себе умопомрачительный прапорщицкий мундир. Только ранение у жалкого фанфарона было не в руку, а в ногу. Вот и вся разница.

Разозлился на себя. Сорвал перевязь. Лайковую перчатку стянул с руки, отшвырнул в угол комнаты.

Глупости это были. Последний щенячий писк бывшего Алеши Романова, романтического мальчика, обожавшего эффектность.

Вспоминать противно. Тот дурак верил в любовь и думал, что жизнь создана для счастья. А у жизни цель совсем другая – смерть, и это неопровержимо, как теорема Пифагора. Под вопросом только два обстоятельства: когда и ради чего. Всё остальное второстепенности.

Большинство людей очень боятся самого перехода через смертный рубеж, и этот физический страх заставляет их всеми силами цепляться за жизнь. Но Алексей на том рубеже уже побывал, ничего особенно пугающего не обнаружил.

Человек, преодолевший главный из страхов, начинает чувствовать себя неуязвимым. Ему хочется драться и побеждать. Очень хорошо, что войне не видно конца. Пусть бы она продолжалась вечно.

Однако Романов провоявал достаточно, чтобы понимать: одного бесстрашия для победы мало, потребно умение. Войне надо учиться. Контрразведка такая же дисциплина, как алгебра или тригонометрия, – здесь тоже свои формулы, уравнения, правила. Не будешь их знать назубок, завалишься на первом же экзамене.

Алексей хотел стать настоящим профессионалом, был готов учиться. А тут, на счастье, по инициативе генерала Жуковского открылось невиданное учебное заведение – специальные курсы для офицеров-контрразведчиков, которых так не хватало и на фронте, и в тылу.

Пришлось пройти еще одну медицинскую комиссию, главным в которой был врач-невропатолог. От сотрудников контрразведки требовались особенные качества: подвижность ума, устойчивость психики и крепкие нервы.

В недозастрелившегося прапорщика врач вцепился, как лис в цыпленка. Драл зубами, рвал когтями, щипал – и отступился ни с чем. В заключении написал, что психика у А. Романова аномальная, однако укреплять ему нервы незачем, скорее их не мешало бы размягчить. Стреляться А. Романов больше не будет – разве что из-за нежелания сдаваться врагу живьем. Начальство рассудило, что для контрразведчика такая «аномалия» в самый раз, и прапорщик был немедленно зачислен в школу. Там его учили немецкому языку, шифровке и дешифровке, принципам работы с агентами, психологии допроса, рукопашному бою по французской, китайской и японской методикам, стрельбе из всевозможных видов оружия и другим полезнейшим вещам.

Прошла весна, миновала большая часть лета, учеба близилась к окончанию. Алексею не терпелось применить новообретенные знания на практике. На некоторых курсантов уже пришел вызов – кому с германского фронта, кому с австрийского, кому с турецкого, некоторым из военно-морского флота.

Сегодня вызвали и прапорщика Романова. Телефонограммой. Не куда-нибудь, а к самому Жуковскому.

Большие надежды

Трехэтажное здание с кокетливой лепниной. То ли средней руки гостиница, то ли доходный дом. Но у входа часовой, вдоль тротуара – ряд автомобилей и пролеток. И умеренно строгая, черно-золотая вывеска: «Штабъ Отдельнаго Жандармскаго Корпуса».

Внутри треск пишущих машин, жужжание телеграфных аппаратов, перестук каблуков. Однако никакой суеты, спешки, тем более нервозности. Каков поп, таков и приход.

С «попами» российским «приходам» везет редко. Жандармский корпус являлся счастливым исключением. Назначенный перед самой войной генерал-майор Жуковский политическим сыском заниматься не стал, справедливо рассудив, что жители воюющей державы перед лицом общей опасности на время забудут о своих разногласиях. Главной задачей новый командир считал, во-первых, противодействие германско-австрийскому шпионажу, сеть которого густо пронизала все тело беспечной Российской империи, а во-вторых, организацию собственной агентурной разведки.

Пришлось начинать почти с нуля, но энергия цепкого Владимира Федоровича своротила горы. Еще минувшей осенью командиру Жандармского корпуса вверили контроль над военно-разведочным управлением Генерального штаба, так что теперь все специальные службы империи находились под единым руководством.

В тылу борьбой со шпионажем занимались губернские жандармские управления. На театре военных действий дело было устроено иначе. При генерал-квартирмейстере каждого фронта появилось разведочно-контрразведочное отделение, которым руководил подполковник генерального штаба при двух помощниках – генштабисте, ведавшем разведкой, и жандарме-контрразведчике.

Такие же органы существовали в каждой из армий.

Счет выловленных шпионов в тылу шел на сотни, во фронтовой полосе – на тысячи. А лучшим комплиментом разведывательной агентуре Жуковского стало примечательное событие: немецкому Генштабу пришлось учредить специальное отделение по борьбе с русскими шпионами.

Борьба спецслужб шла еще не на равных – у германцев было больше опыта и ресурсов, но все-таки это уже не напоминало драку слепого со зрячим, как в первые недели войны.

Поднимаясь по лестнице в бельэтаж и посекундно козыряя встречным военным (все они были старше чином), Алеша гадал, какое назначение сейчас получит и почему генерал решил удостоить какого-то прапорщика личной аудиенцией. Это было лестно. Знать, не забыл Владимир Федорович про швейцарскую эпопею. Вероятно, хочет отправить на какой-нибудь ответственный участок фронта, да еще с особенным заданием или, чем черт не шутит, с чрезвычайными полномочиями. А что такого? Звание хоть и маленькое, но в разведке и контрразведке людей ценят не по звездочкам – по заслугам. Заслуги же у Романова имелись.

Он примерно догадывался, куда его могут послать.

Судьба войны и всего российского государства сейчас решалась на Юго-Западном фронте, который уже четвертый месяц пятился под напором германцев, неся гигантские потери. Пали Перемышль, Львов, Варшава. Ключевой пункт обороны, Новогеоргиевская крепость, в блокаде. Россия потеряла почти треть промышленности, тыловые коммуникации запружены беженцами – на восток хлынуло десять миллионов человек.

В армию непрерывно идут эшелоны с пополнениями, но компенсировать чудовищную убыль штыков невозможно. Любая другая держава рассыпалась бы в прах, разом лишившись двух с лишним миллионов солдат убитыми, ранеными и пленными. А Россия трепетала, стонала, но пока держалась. Лишь откатывалась, откатывалась все дальше на восток под ударами германского стального кулака. Ходили слухи, что великого князя Николая Николаевича вот-вот снимут с должности и что обязанности верховного главнокомандующего примет сам

государь. Если уж монарх считает своим долгом в этот тяжкий для родины час быть на фронте, то боевому офицеру и Бог велел.

А вдруг назначат прямо в Ставку? Заниматься не тактической, а оперативной разведкой? Хотя и тактическая, на уровне армии или корпуса, тоже интересно!

Адъютант просунул голову за кожаную дверь:

– Ваше превосходительство, прапорщик Романов.

Густой бас нетерпеливо потребовал:

– Сюда его! Живо!

Вот как? Даже «живо»?

В начальственном кабинете

Обширный кабинет, по которому сразу видно, что он обустроен не для парадности, а для работы. На огромном столе аккуратные стопки папок и бумаг, разложенные по какому-то неочевидному, но строго соблюдающемуся принципу. Телефонные аппараты. Истуканные флажками карты, причем не только фронтов, но всех частей империи – будто и там тоже идут бои. Фотографический портрет императора – маленький, но зато с собственноручной надписью. Встроенный в стену сейф. Из личных вещей, по которым можно было бы судить о пристрастиях обитателя, только теннисная ракетка. Про командира известно: иногда играет с адъютантом в эту английскую игру – не для разрядки, а для концентрации мысли. И будто бы некоторые самые блестящие идеи приходят в голову его превосходительству именно в момент звонкого удара ракетки по мячу. Возможно, впрочем, что и выдумки.

Хозяин кабинета по-свойски помахал молодому человеку рукой: без церемоний, входите-садитесь.

Перед начальственным столом в креслах сидели двое военных. Одного из них, немолодого подполковника, Алексей видел впервые. Вторым был Лавр Козловский, который в последнее время состоял при командире Жандармского корпуса офицером-координатором от военной контрразведки. Ротмистр улыбнулся, шевельнув по-тараканьи торчащими усами, сказал бестактность:

– А вот и наш декадент.

Кинув на приятеля сердитый взгляд (шутки по поводу самоубийства давно обрыдли, а уж поминать прошлое при высоком начальстве – вообще свинство), Романов доложил о прибытии и скромно сел возле длинного стола для совещаний. Фуражку положил на зеленое сукно, руки сложил по-гимназически, перед собой. Только предварительно тронул крест на груди, чтобы покачался. Это означало: приказывайте, ваше превосходительство, всё исполню, но не забывайте, что перед вами боевой офицер, место которого на фронте.

Всех этих тонкостей Жуковский, похоже, не заметил.

– Как учеба, юноша? – спросил он по-домашнему. – Грызите гранит, грызите. Потом дадите нам, неучам, форы.

Он рассматривал прапорщика с улыбкой и вообще выглядел ужасно довольным.

На реплику об учебе отвечать не требовалось – по тону было ясно, что это не вопрос, а так, приветствие. Романов тоже вежливо улыбнулся и попытался применить знания, почерпнутые на лекциях по практической психологии. Генерал и ротмистр веселые, оживленные, а незнакомый офицер сидит хмурый, с почерневшим от горя лицом. Что это может означать?

Алексей окинул подполковника быстрым профессиональным взглядом.

Артиллерист. Значок Академии генштаба. Невысок и некрупен, но ладно скроен. Маленькие красивые руки нервно трутся одна о другую. Черты правильные, даже красивые. Острая бородка с легкой проседью, породистый нос, на лбу резкая вертикальная морщина – признак воли и характера. Но почему блестят глаза? Будто с них только что смахнули слезу.

Очень странно. Уж не арестованный ли это?

Но следующая фраза генерала разрушила эту интересную версию.

– Подполковник, вот офицер, которому мы поручим наше деликатное дело. Прапорщик Романов. Кандидатура просто идеальная. Артистичен, находчив, бывал в переделках. И возраст именно такой, как надо.

Трагические глаза артиллериста так и впились в лицо Алексея – в этом взгляде читались мучительное сомнение и надежда. Сказано, однако, ничего не было – подполковник ограничился кивком.

– Знакомьтесь, – обратился Жуковский теперь уже к Романову. – Это подполковник Шахов из Главного артиллерийского управления. Тут вот какое дело... Козловский, давайте вы.

– Слушаюсь. – Козловский повернулся к товарищу, и Алеша увидел, что физиономия у ротмистра не очень-то веселая, а скорее возбужденная. Глаза блестят, ноздри раздуваются – прямо рысак перед призовой скачкой. – Я, ваше превосходительство, коротко.

– Не надо коротко. Рассказывайте подробно. Послушаю еще раз.

– Как прикажете...

Но говорить долго князь в любом случае не умел, да еще в присутствии высшего начальства. Он откашлялся.

– Некоторое время назад к нам поступили агентурные сведения, что немецкий Генштаб имеет доступ к секретным сведениям из Артуправления. Мы провели тайную проверку. Выяснилось, что некоторые старшие офицеры завели привычку брать секретную документацию домой...

Шахов воскликнул:

– А что прикажете делать? Очень много работы. Приходится заканчивать дома, по вечерам. Конечно, это нарушение...

Как странно: человек с тремя большими звездами на погонах оправдывается перед прапорщиком, подумал Алексей.

Генерал Жуковский обладал слишком живым характером, чтобы долго довольствоваться ролью пассивного слушателя. Он махнул князю: ладно, не мучайтесь, я сам – и с удовольствием продолжил рассказ. Получилось совсем удивительно, будто перед чахлой звездочкой отчитывается целое созвездие Большой Медведицы.

– Проще всего было бы запретить эту опасную практику, и дело с концом, но я распорядился иначе. – Владимир Федорович вкусно улыбнулся. Считалось, что он похож на бульдога (его за глаза так и называли), но сейчас генерал напоминал большого круглоголового кота, который приволок дохлую мышь и очень собою горд. – Нужно ведь не только пресечь утечку, но и установить источник. Это самое главное. Наши химики предложили тайно покрыть документы неким составом, который реагирует на фотоблиц – как известно, без вспышки документ качественно не снимешь. Результата долго ждать не пришлось. Негласная проверка показала, что чертеж новой 76-миллиметровой пушки, с которым работает подполковник Шахов, подвергся фотографированию. Ну а дальше продолжит подполковник – сведения всегда лучше получать из первоисточника.

– Слушаюсь, ваше превосходительство... Позавчера я вернулся домой в девятом часу. Работал с чертежом до полуночи. Прислуге в это время входить в кабинет запрещается. Закончив работу, запер чертеж в сейф. У меня дома сейф. Как у всех сотрудников управления, кому дозволено брать работу домой.

Рассказ давался артиллеристу тяжело, и чем дальше, тем труднее. Шахов все больше бледнел, смотрел вниз, но голосом не дрожал и не сбивался – твердости этому человеку было не занимать.

– ...Вот, собственно, всё, что случилось позавчера... Поэтому, когда вчера меня вызвали на допрос, это было как гром среди ясного неба... Я не мог объяснить, кто и когда мог сфотографировать чертеж. А когда выяснилось, что... – Он издал странный квохчущий звук. – Прошу извинить, господа. Сейчас продолжу. В горле что-то... Вы позволите, ваше превосходительство?

Жуковский сам налил ему из графина и продолжил за артиллериста:

– В общем, наши агенты провели обыск у господина Шахова в кабинете. Установили, что сейф открывали только ключом, никаких следов взлома или вскрытия. Тогда с помощью подполковника реконструировали детальный хронометраж событий позавчерашнего вечера. Установили, что единственным посторонним лицом, входившим в кабинет, когда чертеж еще не был помещен в сейф, была дочь подполковника, девица двадцати двух лет.

Командир взглянул на Шахова, словно проверяя, справился ли тот с нервами и может ли дальше рассказывать сам. Теперь Алеша начинал понимать состояние этого немолодого и, очевидно, заслуженного офицера.

– Да, Алина принесла мне чаю... Должен сказать, что она нечасто балует меня такими знаками внимания, и я всякий раз бываю очень рад... Дочь вообще по вечерам редко дома... А тут была приветлива, даже мила. Мы славно поговорили – она задержалась в кабинете, даже, представьте, отпивала из моего стакана, – сказал Шахов и сам смутился. – Вам трудно понять, как много для меня это значит... Ладно, неважно. Важно, что Алина оставалась в кабинете, когда я отлучался, пардон, в уборную... Конечно, чертеж при этом в сейф не запирали, в голову не пришло... Но мог ли я вообразить? – Подполковник скрипнул зубами, сердито потер кулаком глаза. – Ради бога простите. Расклеился, как баба.

Никакого сочувствия к отцовскому горю генерал не проявил. Он сделал рукой хватательное движение, словно поймал в воздухе комара или муху.

– Отлучка подполковника в ватер-клозет – единственный момент, когда документы могли быть сфотографированы. Никаких сомнений: это сделала мадемуазель Шахова. Расскажите-ка про фотоаппарат.

– Я подарил дочери портативный «кодак» по случаю окончания гимназии, тому три года. Одно время Алина очень увлекалась фотографией, и у нее недурно получалось. Потом утратила интерес... Она утратила интерес ко всему...

– Вот редкий случай, когда картина преступления может быть восстановлена полностью, – подытожил Жуковский. – Девица Шахова от кого-то (предположительно от резидента) знала, что в этот день отец принесет важный документ, и потому осталась дома. Спрятать портативную фотокамеру и блиц

под одеждой нетрудно. Произвести снимок – дело одной минуты. После реконструкции событий я распорядился произвести тщательный обыск в комнате у барышни, благо она отсутствовала.

– Да, это тоже необычно, – хмуро сказал подполковник. – Алина всегда у себя часов до пяти-шести пополудни, а вчера – горничная рассказала – ушла вскоре после меня.

– Вот именно. В шифоньере, под нижним бельем, мы нашли фотопластину, на которой запечатлен чертеж орудия – снимок превосходного качества. Вот, Романов, каковы исходные условия задачи. Ну-с, господин курсант, как бы вы стали действовать дальше?

Генерал с веселым любопытством воззрился на прапорщика.

– Есть два способа, ваше превосходительство. Можно оставить фотопластину на месте и проследить за девушкой, чтобы установить ее контакты. Но я бы поступил еще проще: взял бы Алину Шахову и допросил. С такими доказательствами она не отвертится. Интеллигентная барышня – очень легкий материал для хорошо подготовленного следователя, – сказал Алексей с высоты обретенных на курсах знаний. – Здесь должен быть какой-то излом личности. Тут ведь не просто шпионаж, а предательство родного отца. Если нащупать эту психическую трещину, объект расколется на половинки, как грецкий орех.

Командир корпуса переглянулся с Козловским, который ободряюще подмигнул молодому человеку. Очевидно, той же логикой руководствовалось и премудрое начальство.

– Допрашивать ее смысла нет, – сказал генерал. – Этот путь в данном случае малоперспективен. Мадемуазель Шахова может быть слепым орудием немцев. Делает то, что ей велят, а знать ничего не знает.

– Уж что-то она наверняка знает. Есть же у нее глаза, уши, голова на плечах, – позволил себе возразить Романов. Его учили, что на аналитическом совещании субординацию соблюдать не обязательно. Если младшему по званию приходит на ум дельная мысль или контраргумент – высказывай, не молчи.

Жуковский покачал головой:

– У людей этого склада наблюдательность понижена, любопытство отсутствует, а умственная энергия направлена лишь в одну сторону. Им лишь бы получить то, что им нужно, всё остальное не имеет значения.

Этого Алексей не понял и поглядел на генерала вопросительно. Но ответил Шахов:

– Алина наркоманка. Морфинистка. Это продолжается уже второй год. Врачи ничего не могут поделать... – Подполковник глядел вниз, на пол. – ...Понимаете, на нашу семью прошлой весной обрушились несчастья, одно за другим. Сначала лопнул банк, в котором хранились все наши средства. Вскоре после этого скончалась жена... Я бесконечно виноват перед Алиной. Бывает, что общее горе сближает, а бывает, что и разделяет... Если каждый пробует справиться с ним в одиночку. Я пытался забыться делами службы, благо объявленная мобилизация, а затем и война давали такую возможность. Сутками просиживал в управлении, да поездки на фронт, да командировки на заводы... Алина оказалась предоставлена сама себе. Я ее бросил в беде одну... А она тоже обнаружила свой способ забыться. Связалась с декадентской компанией. Пристрастилась к кокаину, потом к морфию. Было две попытки самоубийства...

Подполковник сделал над собой усилие, поднял голову. Да ему нет и пятидесяти, подумал Алеша. Морщины на лбу, глубокие тени в подглазьях, преждевременная седина и убитый вид состарят кого угодно. При таких обстоятельствах неудивительно.

– Она прошла несколько курсов лечения в клинике Штейна. Это здесь рядом, у Таврического сада, – пояснил Шахов, словно местонахождение клиники имело какое-то значение. – Я знал, что дела плохи, врачи меня не обнадеживали... Но разве я мог подумать...

Тут он вдруг с силой ударил себя кулаком по лбу.

– Что я несу? Будто напрашиваюсь на жалость и снисхождение! Меня нужно гнать со службы. С позором, с судом. Я нынче же сам подам рапорт!

– И оборвете нить, которая ведет к немецкой шпионской сети, – сурово сказал Жуковский. – Мы это уже обсуждали, не будем повторяться. К делу, господа! Ротмистр, излагайте план.

План был логичен и прост: использовать Алину Шахову как наживку на крупного зверя.

– Фотопластину мы, конечно, оставили в шифоньере, – рассказывал Козловский. – Вернее, положили на ее место другую, сделанную со специально искаженного чертежа. Установили наружное наблюдение. Горничную заменили на нашу агентку. Так что барышня находится под постоянным присмотром, что дома, что на улице.

Романов поднял руку, как на занятии:

– Можно? Два вопроса. Не покажется ли Шаховой подозрительным смена прислуги?

– Не уверен, что она это заметит, – горько ответил подполковник. – Иногда мне кажется, что она вообще на нас, домашних, не смотрит. К тому же я часто меняю горничных. Они долго не выдерживают... атмосферы, – не сразу подобрал он слово.

– Тогда, с вашего позволения, второй вопрос. Почему Шахова вчера оставила пластину дома? Если она встречалась с резидентом, то должна была захватить добычу с собой.

Генерал покивал:

– Правильный вопрос, Романов. Мы это обсуждали и нашли объяснение. Разведка часто использует в агентурных целях наркоманов, но этот элемент крайне ненадежен. Обыкновенно их держат на положении экстернов.

– Простите, кого? – вздрогнул Шахов.

– Не ординарных агентов, состоящих на постоянном жалованье, а экстернов, которых используют от случая к случаю. Причем чаще всего втемную. Платят

сдельно: есть добыча – есть оплата. Иначе у наркомана нет стимула проявлять активность. Размер гонорара каждый раз определяется особо, в зависимости от ценности улова. Вчера Шахова встречалась со своим заказчиком, чтобы описать трофей и сторговаться о вознаграждении. Передача же, судя по всему, произойдет сегодня.

– Тогда уж и третий вопрос, ваше превосходительство...

– За каким чертом нам понадобился прапорщик Романов? – не дал ему договорить генерал, рассмеявшись. – Это князя благодарите. Его идея.

Козловский снова подмигнул, словно давая понять, что его и в самом деле не грех отблагодарить.

– Понимаешь, Лёша, за девицей следят дома и на улице. Но этого мало. Нужно проникнуть в ее компанию, выявить все связи. По счастью, она мало где бывает. Ходит в одно и то же место. В клуб-кабаре «Дети Луны». Там собирается особая публика, затесаться в которую не так-то просто. Обычному агенту задача не по плечу.

– Что за публика? – настороженно спросил Романов. От Лавра Козловского можно было ожидать каких угодно сюрпризов.

Опасения немедленно подтвердились.

– Отчаянные декаденты вроде тебя. Любители выть на Луну, стреляться, вешаться и все такое.

– Господин ротмистр! – Романов вспыхнул, даже приподнялся со стула. – Сколько можно?! Простите, ваше превосходительство.

И сел обратно, под хихиканье князя и пофыркивание генерала. Лишь Шахов не присоединился к веселью.

– Ваше превосходительство, – тихо, но с нажимом сказал он. – Позволю себе напомнить: вы обещали обеспечить Алине надежную защиту.

Жуковский посерьезнел.

– Прапорщик, тут еще вот что. Если немцы узнают, что Алина Шахова раскрыта... Ну, вы понимаете. Возможно, захотят обрубить концы. Во всяком случае, это было бы логично. Ваша задача не только обнаружить контакт, но и обеспечить безопасность девушки.

Подполковник поднялся, подошел к Алексею и заглянул ему в лицо. В глазах Шахова (теперь Романов отчетливо это разглядел) горело безумие.

– Молодой человек, я умоляю вас! Алиночка государственная преступница, но... это моя девочка! Сберегите ее! Она несчастна, она больна! Если с ней что-нибудь...

И не договорил, отвернулся. Подполковника бил кашель.

Вечер того же дня. Наблюдательный пункт

Пасмурный августовский вечер. Белесые тени за окном пустой квартиры в конце Большого проспекта на Васильевском острове. Из обстановки только стул да несколько ящиков. В углу большой ворох разноцветной одежды, будто украденной из театральной гримерки: балахоны, широченные блузы, широкополые шляпы, шутовские колпаки, маскарадные личины. Струйка голубого дыма из переполненной пепельницы.

– ...Без тебя знаю, что эгофутуристы и декаденты не одно и то же, – огрызнулся князь, взбивая Алексею короткие волосы проволочной щеткой. – Не нужно считать меня солдафоном. Но шушера, которая собирается в этом кабаре, вроде как сама по себе. Не вполне декаденты и враждуют с футуристами. Они называют себя «эпатисты». Только не спрашивай меня, что это такое и в чем суть. Эпатировать буржуазную публику, наверно, хотят. Кабак действительно оригинальный. Сам увидишь. Разодеты все – парад мертвецов, бунт в сумасшедшем доме.

– Поэтому ты и нарядил меня пугалом?

Из кучи тряпья ротмистр, собственноручно готовивший Романова к внедрению, выбрал хламиду ядовитого желтого цвета, штаны в красно-зеленую полоску и мушкетерскую шляпу с облезлым пером. Оставалось лишь удивляться, откуда в реквизитной Жандармского корпуса взялась подобная дрянь.

– Боюсь, недостаточно. – Козловский смотрел на дело своих рук с сомнением. – Знаешь, что такое дресс-код и фас-контроль?

– Это когда в дорогом ресторане или клубе встречают по одежке. Кто неприлично выглядит – от ворот поворот.

– Вот-вот. Только у «Детей Луны» всё шиворот-навыворот... Нет, чего-то не хватает... Саранцев! – крикнул ротмистр в сторону кухни, где сидели филеры. – Сколько у нас времени? Где объект? Донесения были?

Из коридора выглянул старший филерской группы Саранцев, самый опытный из сотрудников Козловского.

– Только что Зайкин звонил, ваше благородие. С Николаевской набережной. Там близко 4-е почтово-телеграфное отделение, так он догадался с платного телефона позвонить. Говорит, девица сидит, на воду смотрит. Сорок минут уже.

– Никто к ней не подходил?

– Пока нет.

Романов с отвращением потрогал торчащие дыбом волосы.

– Может, зря ты меня уродуешь? Скорее всего у Шаховой встреча с резидентом там, на набережной, и назначена.

– Хорошо бы, конечно. Там его ребята и взяли бы. Только вряд ли. – Козловский вздохнул. – Это у девчонки привычка такая. Вчера тоже, прежде чем в клуб прийти, битый час сидела, на реку смотрела. Да и не дураки немцы устраивать randevu на открытом месте. Встреча будет в кабаре, это точно... Что бы на тебя

еще такое нацепить?

Он прохромал к реквизиту, стал раскладывать одежду на полу, больше было негде.

Квартиру для проведения операции сняли сегодня и никак не оборудовали, только телефон протянули. Ни мебели, ни черта – хоть в кегли на полу играй. Зато из окна видно клуб «Дети Луны», унылое здание складского типа. На красном кирпиче фасада большими буквами по-русски и по-немецки начертано:

«Т-во БЕКЕРЪ

С.-Петербургъ – Берлинъ

Рояли, пианино, пианолы»

Алеша уже знал, что раньше, до немецких погромов, там действительно находился склад музыкальных инструментов. В столице многие заведения, раньше принадлежавшие германским и австрийским фирмам, теперь сдаются за бесценок.

– Арендный договор заключен полгода назад, на имя владельца кабаре. Про него я тебе еще не рассказывал...

Времени на подготовку к операции было мало, поэтому экипировку приходилось совмещать с инструктажем и введением в курс дела.

– Это субъект из породы людей, кому сейчас раздолье. Сам знаешь, сколько на Руси-матушке развелось любителей половить стерлядку в мутной воде. Откуда их столько повылазило! Владелец этого вертепа в мирной жизни был антрепренером и импресарио всяких-разных затей легкого жанра. Оперетки, буффонадки, антрепризки и прочее подобное. Подвизался все больше в глубинке, где публика попроще. Теперь же заделался иностранцем. Уругвайско-подданный. Или парагвайско? Я читал сводку, да запомятовал. В общем, что-то

знойное, южноамериканское.

– Правда? – заинтересовался Романов, никогда не выдавший живых уругвайцев и тем более парагвайцев. – У них там какой язык – испанский?

– Наверно. Но этот господин вряд ли знает по-испански хоть слово. Он такой же парагваец, как мы с тобой. За месяц, прошедший между выстрелом в Сараеве и объявлением всеобщей мобилизации, кое-кто из жителей Российской империи сообразил поменять подданство. Консулы некоторых нейтральных стран сделали на этом неплохую коммерцию.

– Этот тип стал южноамериканцем, чтобы не идти в армию?

– Разумеется. Одни в окопах гибнут, другие жиреют. Как солдаты говорят: кому война, а кому мать родна.

– А как его зовут?

– Смотря где. Черт! – Козловский решил украсить наряд «эпатиста», стал пришивать к рукаву золотую бумажную звезду, но с иголкой управлялся неважно и уколол себе палец. – ...В «Детях Луны» его зовут Каином. Там почти у всех какие-нибудь дурацкие прозвища, одно infernalней другого. Одевается господин Каин соответственно: черный фрак с красной подкладкой, черная полумаска. Но «Дети Луны» не единственное его предприятие. У него есть кабаре «Ше-суа» – совсем в другом роде: безо всякой декадентщины, развеселое, для неизысканной, но денежной публики. Там он обычно носит розовый смокинг с искрой и зовется «дон Хулио». А еще прохиндею принадлежит ресторан – то есть, пардон, трапезная «Русь святая». Это заведение для патриотической публики, близ Таврического дворца. Туда ходят депутаты из крайне правых, много офицеров, военных чиновников. В «Руси святой» владельца называют «Ульян Фомич» (между прочим, это его настоящее имя-отчество), и носит он френч военного покроя.

– Зачем ему все это?

– Ну как же? Декадентствующие детишки при деньгах, среди них много золотой молодежи, которая бесится со скуки. Кабаре «Ше-суа» – предприятие тем более выгодное. А патриотическая трапезная обеспечивает нашему дону Хулио

хорошую защиту. Полиция пыталась привлечь его к ответу за шалости по части сухого закона. Как бы не так, за парагвайского Ульяна Фомича заступились влиятельные покровители.

Князь щелкнул пальцами:

– Идея! Я знаю, чего тебе не хватает, чтобы стать настоящим эпатистом!

Он проковылял к реквизиту, взял небольшой ящичек, в котором лежали тюбики и кисточки.

– Ты что, Лавр? Решил живописью заняться?

– Почему «решил»? – Ротмистр ловко давил на палитру краски. – Три года отзанимался. Я, Лешенька, ходячее кладбище разнообразных художественных талантов. Матушка мечтала вырастить меня тонкой артистической натурой. Как я играю на рояле, ты слышал.

– Довольно паршиво.

– Это ты еще не видел меня танцующим. Учителя рыдали и отказывались от двойной оплаты. На полковых балах дамы бледнели, когда я их приглашал на вальс или мазурку. Но спасибо хромой ноге, с танцами покончено. – Козловский рассматривал прапорщика с видом Микеланджело Буонаротти, готовящегося отсечь от глыбы мрамора всё лишнее. – В живописи я преуспел больше, чем в музыкальных искусствах. Особенно мне удавались сеансы с натурщицами. Я тебе как-нибудь нарисую ню – пальчики оближешь. В училище и в полку это умение снискало мне большую популярность среди товарищей.

Влажная кисточка запорхала по Алешиному лбу.

– Щекотно!

– Не дергайся!.. Вот теперь то, что надо, – удовлетворенно объявил князь. – Хоть на салонеставляй. Эй, Саранцев!

Притопал старший филер.

– Как тебе?

Саранцев почмокал губами.

– Подходяще. Талант у вас, ваше благородие.

– Где тут зеркало? – нервно спросил Романов, поднимаясь.

Но зеркала в пустой квартире не было.

А тут и телефон зазвонил.

– Ваше благородие, снова Зайкин. Девушка идет по Девятнадцатой линии в сторону Большого проспекта! Наши ее ведут!

– Спускаемся в подъезд!

Последние инструкции ротмистр давал уже на лестнице.

– ...Ну а если что, просто пали в потолок. Услышим выстрел – через минуту будем. И помни: главное для тебя не Шахова, а ридикюль. Глаз с него не спускай!

Фас-контроль

Подъезд небогатого дома, где квартируют мелкие чиновники, приказчики, портовые служащие. Чисто, но обшарпано, и ничего лишнего: ни лепнины, ни медных блях на перилах, на потолке не люстра – обычная лампочка, да и ту филеры вывернули, чтоб нельзя было заглянуть с улицы. В подъезде сумрак, торопливый разговор вполголоса.

– ...Врач из больницы Штейна, где лечат нервнобольных, алкоголиков и наркоманов, про Алину Шахову рассказал следующее... Сейчас, я в книжке записывал... Не видно ни черта! Подвинься, Лёша, свет загораживаешь. «Извращенно-акцентуированная личность. Типичный продукт нынешней моды на имморализм. Неизлечима и не желает излечиваться». В общем, девица не подарок. Психиатр сказал, что рано или поздно она себя обязательно угробит. Снова вскроет вены или снотворного наглотается. Если до того не окочурится от слишком большой дозы морфия.

Козловский говорил и посматривал в стекло. Шахова должна была появиться слева и пройти аккуратно мимо двери подъезда. Чтобы не вызывать лишнего любопытства соседей, князь оделся бедненько-скромненько, в паршивую тройку с бумажной манишкой, засаленный котелок, стоптанные штиблеты.

– Идет!

Он отпрянул в тень.

Мимо – Алеша едва успел рассмотреть – процокала каблучками барышня, похожая на экзотическую птицу. Что-то очень тонкое и ломкое, в черных перьях и крылообразной пелерине. Глаза резануло нечто ярко-оранжевое – кажется, боа.

– Видал? Ридикюль она держит под мышкой, – прошипел ротмистр. – Фотопластина спрятана за подкладкой. Горничная обнаружила. Ты понял, что ридикюль – главное? Das Fisch[1 - Рыбка (нем.)] клюнет на него.

– Понял, понял. Ну, я пошел.

Выскользнув из двери, Алексей декадентской, то есть вялой и разболтанной походкой двинулся по направлению к бывшему складу роялей.

Прохожие от него шарахались.

– Мама, гляди, клоун! – радостно пропищал мальчуган. Мамаша дернула его за руку.

Бабка в платке перекрестилась:

– Оссподи, страсть какая!

Романов оглянулся на подъезд, где в окошке торчала усатая физиономия князя. Тот показал большой палец: не робей, всё отлично.

Ну, поглядим.

Под скорбными готическими буквами покойной фирмы «Бекер» висела другая вывеска, украшенная разноцветными лампочками.

«ДЪТИ ЛУНЫ»

КЛУБЪ-КАБАРЕ

Под названием – изображение воющих на луну волков, каких-то могилок с крестами. Ниже вкривь и вкось выведено: «Оставь надежду всякъ сюда входящій!» И, будто этого мало для отпугивания посетителей, перед входом еще торчал огромный рогатый-хвостатый черт в черном трико со страшными, налитыми кровью глазами. Он, видно, и решал, кого пускать в клуб, а кого нет.

Девушка Шахова не уstraшилась адского создания, прошелестела мимо него своими размашистыми юбками, не задержавшись, а черт приветственно помахал ей ручищей.

Следом к дверям приблизились еще двое. Молодой человек в сутане до пят и остроконечной шляпе, над которой реял воздушный шарик, вел за руку девушку в платье из рыболовной сети, увешанной не то настоящими, не то марлевыми водорослями. На распущенных волосах русалки белел венок из кувшинок. Ни в одно мало-мальски приличное заведение такую парочку не пустили бы, а черт сказал им (Романов был уже недалеко и услышал):

– Здравствуй, брат. Здравствуй, сестра. Заходите.

Но когда двое совершенно презентабельных господ в хороших визитках и котелках, заинтригованные вывеской, попробовали войти, поперек дверного проема косо лег трезубец.

– Шли бы вы отсюда, – мрачно сказал черт. – Нечего вам тут делать.

– Это почему еще? – захорохорился один из мужчин, но посмотрел снизу вверх на нехорошие глаза привратника и попятился.

– Плюнь, Мишель! – тянул его второй. – Это какой-то шалман. Охота тебе сидеть с хамьем? Тут за углом есть кафешка – прелесть.

Ушли.

Алексей приблизился к суровому стражу не без трепета. Вдруг не пропустит? Что же тогда, вся операция к черту?

Но двухметровый громила, окинув Романова взглядом, дружелюбно прогудел:

– Добро пожаловать, брат.

В зеркальном стекле двери прапорщик наконец увидел свое отражение и вздрогнул.

Под мушкетерской шляпой, прямо посередине лба, очень натурально был нарисован широко раскрытый глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Рыбка (нем.).

Купить: <https://telnovel.com/boris-akunin/deti-luny>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)